

Новая Польша 1/2005

0: ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ!

- Президент Александр Квасневский о выборах на Украине: "Мы должны быть заинтересованы в том, чтобы выборы действительно были честными и чтобы у кандидатов был равный доступ к СМИ (...) Польша делает то, что должна делать: призывает мировое общественное мнение поддержать свободные, демократические выборы на Украине. Кто их выиграет - зависит от воли украинцев, и, разумеется, мы, уважая эту волю, будем сотрудничать с новоизбранным президентом Украины". ("Жечпосполита", 9 ноября)
- Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич, представлявший Совет Европы, назвал первый тур украинских выборов "шагом назад". Во время встречи в Киеве Виктор Ющенко показал поддельные протоколы, заранее подготовленные ко второму туру. "Украина нуждается в таком стратегическом партнере, как Польша", - сказал Ющенко. Цимошевич выразил сожаление, что не смог встретиться с Януковичем и Кучмой, которые выбрали встречу с Путиным. ("Газета wyborcza", 13-14 ноября)
- Благодаря усилиям польской дипломатии Евросоюз призвал Украину сделать все, чтобы второй тур президентских выборов был "свободным и честным". ("Тыгодник повсехный", 14 ноября)
- "Вчера по всей Польше прошли „оранжевые" манифестации в поддержку Виктора Ющенко". ("Газета wyborcza", 20-21 ноября)
- Почти 96% пребывающих в Варшаве украинцев, которые участвовали во втором туре президентских выборов, отдали свои голоса за кандидата оппозиции Виктора Ющенко. За него проголосовали 1992 человека, за Януковича - 68. ("Газета wyborcza", 22 ноября)
- Наблюдатель за выборами на Украине от Европарламента депутат Яцек Сариуш-Вольский: "Нет никаких сомнений. Масштаб фальсификации был так велик, что исказил результаты выборов не в пользу Виктора Ющенко". ("Газета wyborcza", 23 ноября)
- Наблюдатель за выборами на Украине от Европарламента депутат Гражина Станишевская: "Я надеюсь, что Евросоюз наконец отреагирует на фальсификацию выборов на Украине. Польские депутаты наверняка приложат все усилия, чтобы это произошло". ("Газета wyborcza", 23 ноября)
- Анджей Леппер: "Судя по тому, что я видел на Украине, настроения были скорее в пользу Ющенко. Поэтому победа Януковича наводит на размышления". ("Жечпосполита", 23 ноября)
- Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: "Новости, поступающие из Киева, весьма разочаровывают. Я пользуюсь здесь дипломатическим языком, но мне хотелось бы выразить это гораздо более сильными словами. То, что нас ставят в ситуацию, когда мы должны всерьез отнестись к сообщению, что где-то на Восточной Украине явка превысила 96 или 98% и поэтому действующий премьер-министр победил, просто противоречит здравому смыслу и оскорбляет чувство элементарной порядочности". ("Газета wyborcza", 23 ноября)
- Александр Квасневский первым из президентов государств-членов ЕС высказался на тему украинских выборов. "Есть серьезные основания подозревать, что выборы были фальсифицированы", - сказал Квасневский. Между тем Сейм окрасился в оранжевый цвет. В зале заседаний некоторые депутаты махали оранжевыми флажками и выкладывали перед собой апельсины. Большинство фракций сказали "нет" тому, что произошло на Украине. Заявления по ситуации на Украине приняли "Уния свободы", "Союз демократических левых сил" (СДЛС), "Право и справедливость", "Гражданская платформа" и "Польская социал-демократия". ("Газета wyborcza", 24 ноября)
- "Овацией встретил Киев польских евродепутатов Ежи Бузека, Гражину Станишевскую и Михала Каминского. „Я верю, что у вас все получится, как получилось у нас во времена "Солидарности"", - сказал бывший премьер-министр Ежи Бузек на Майдане Незалежности. „Украина-Польша навеки!" - долго скандировала после этого восторженная толпа (...) „Мы рады, что вы с нами, - сказал бывший министр иностранных дел Украины и один из лидеров оппозиции Борис Тарасюк. - Вы даже не представляете себе, насколько мы рассчитываем на твердую поддержку поляков и польских властей"". ("Газета wyborcza", 24 ноября)

• Депутат Европарламента Гражина Станишевская: "Я нахожусь под огромным впечатлением. Атмосфера очень напоминает мне Польшу 24 года назад, поэтому я даже расплакалась, выступая вчера утром перед демонстрантами на площади. Сегодня же вся наша делегация евродепутатов расскажет в Европарламенте, что мы видели на Украине. Мы должны мобилизовать Европу и мир, чтобы помочь людям, борющимся за правду (...) На демонстрации я обещала, что мы будем посланцами украинцев в Евросоюзе. Нельзя позволить убить правду. Я от всего сердца желаю украинцам победы". ("Газета wyborcza", 24 ноября)

• По предложению польского депутата Яцека Сариуш-Вольского комиссия по иностранным делам Европарламента призвала провести чрезвычайное заседание, посвященное ситуации на Украине. Заседание пройдет 1 декабря. Под польским предложением подписались более ста депутатов из многих стран ЕС. Подписывавшимся раздавали оранжевые шарфы. Комиссия по иностранным делам констатировала, что выборы на Украине фальсифицированы и их результаты не могут быть признаны. По мнению комиссии, у украинского народа не было возможности свободно избрать президента. ("Газета wyborcza", 25 ноября)

• По мнению президента Александра Квасневского, российская политика в отношении Украины "очень последовательна начиная с середины первого срока полномочий президента Путина. Эта политика делает ставку на восстановление [российского] влияния в нашей части мира с помощью весьма конкретных политических и экономических действий и в то же время - на то, чтобы убедить западных партнеров, что они должны признать контакты с Россией более важными, чем контакты с другими странами региона. Украинский вопрос - один из элементов очень серьезных разногласий между Польшей и многими странами Запада". ("Газета wyborcza", 25 ноября)

• Проф. Ежи Помяновский напоминает аксиому Ежи Гедройца: "Поддерживать как можно лучшие отношения с Россией, но не за счет независимости и жизненных интересов народов, живущих между Россией и Польшей, а прежде всего - не за счет украинцев". ("Жечпосполита", 22 ноября)

• "„За вашу и нашу свободу!“ - этими словами, произнесенными по-польски, закончил свое выступление в польском Сейме посланец Виктора Ющенко Борис Тарасюк (...) Он напомнил слова Ежи Гедройца о том, что независимость Украины - гарантия независимости Польши. „Украинский народ поднялся с колен и продемонстрировал свою гражданскую сознательность, получил шанс и воспользовался им. Однако выборы были грубо фальсифицированы“, - сказал Тарасюк (...) Депутаты устроили ему овацию стоя. Аплодировали представители всех фракций. Тарасюк получил букет [оранжевых] цветов (...) Непосредственно перед выступлением Тарасюка Сейм принял обращение к Верховной Раде Украины, в котором призвал украинских депутатов: „Сделайте все, что от вас зависит, чтобы правда, свобода и демократия победили“". ("Газета wyborcza", 26 ноября)

• "Бывший президент Польши, лауреат Нобелевской премии мира Лех Валенса появился утром на киевском Майдане Незалежности в сопровождении другой легенды польского подполья - Збигнева Буяка. „Вы ведете трудную борьбу, но, видя ваш энтузиазм, я верю, что вы победите!“ - говорил Валенса стотысячной толпе. Толпа, размахивающая оранжевыми флагами и транспарантами, благодарил его, скандируя: „Валенса! Валенса! Польша! Польша!“ Валенса не скрывал волнения и долго не сходил с трибуны, призывая демонстрантов „заботиться друг о друге и не болеть“. Рядом с ним стоял Ющенко. Толпа безумствовала (...) Валенса умолял оппозицию не поддаваться на провокации, „потому что провокации наверняка будут“ (...) В это же самое время польские дипломаты во главе с бывшим послом Польши в Москве Станиславом Цёсеком вели переговоры с Кучмой, готовя почву для визита Александра Квасневского". ("Газета wyborcza", 26 ноября)

• "Встреча Валенсы с Януковичем продолжалась 45 минут. После нее Валенса вышел в совсем другом настроении (...) „Это меня огорчило, - сказал он по окончании встречи. - Я очень боюсь, что власти могут ответить провокацией. На стороне оппозиции все больше людей, но те тоже собирают силы“". ("Жечпосполита", 26 ноября)

• Петр Дзедушицкий, бывший шеф протокола Валенсы, сопровождавший его в поездке в Киев и участвовавший в переговорах: "Наш президент [Валенса] предупредил его [Януковича] об ответственности, если дело дойдет до беспорядков. В конце он предложил встретиться непосредственно с Ющенко. В принципе Янукович уже согласился на это, когда неожиданно вошла секретарша и сообщила, что звонит Путин. Через десять минут наш собеседник вернулся совершенно преображенный. О встрече с Ющенко уже не было речи, зато он предостерег, что в Киев едут тысячи шахтеров, чтобы дать отпор оппозиции. Еще он сказал одну странную вещь: „Я против насилия, но я не в силах повлиять на свой штаб“". ("Жечпосполита", 1 дек.)

• "Движение на польско-украинской границе замирает. Польские водители не хотят застрять в глубине Украины из-за блокад и всеобщей забастовки. Украинцы предпочитают не уезжать, так как не знают, в какую страну им

пришлось бы возвращаться". ("Жечпосполита", 26 ноября)

- Во многих городах Польши - в частности в Катовице, Лодзи, Гдыне, Варшаве, Кракове и Быдгоще - прошли "оранжевые" демонстрации солидарности. Более 60 местных газет напечатали призыв поддержать украинский народ, а в своих логотипах использовали оранжевый цвет. ("Газета wyborcza", 26 ноября)
- Конференция епископата Польши объявила 5 декабря днем молитв за Украину. "Епископы выражают надежду, что близкий нам украинский народ сможет свободно определить свое национальное естество в духе правды, демократии и справедливости", - говорится в коммюнике, распространенном Конференцией епископата. ("Газета wyborcza", 27-28 ноября)
- После продолжавшихся весь день драматических консультаций с участием президента Александра Квасневского и главы дипломатии ЕС Хавьера Соланы состоялась встреча за "круглым столом". После 18 часов в Мариинском дворце в центре Киева за стол переговоров сели Леонид Кучма, Виктор Янукович, Виктор Ющенко, Владимир Литвин, президенты Польши и Литвы Александр Квасневский и Валдас Адамкус, Хавьер Солана, генеральный секретарь ОБСЕ Ян Кубиш и спикер российской Думы Борис Грызлов. После переговоров советник президента Польши по делам восточной политики Станислав Цёсек сказал: "Одному Богу известно, что будет дальше. Это только начало, но самое главное сделано". ("Газета wyborcza", 27-28 ноября)
- Из интервью со Станиславом Цёсеком: "Президента Квасневского пригласили оба лагеря. Мы поддерживали хорошие отношения и с президентом Кучмой, и с оппозицией. Благодаря этому на Украине к нам испытывают доверие. Люди верят, что мы желаем украинцам блага. И это чувствуется на каждом шагу (...) Если бы наша восточная политика была неправильной, мы бы точно не получили такого приглашения". ("Жечпосполита", 2 дек.)
- Виктор Ющенко: "Несколько дней назад во время ночного разговора с президентом Квасневским я сказал ему, что ничего нельзя сделать без посредников. А посредником может быть только тот, к кому испытываешь доверие. Таким доверием пользуются на Украине Польша и польские политики. Поэтому по нашей просьбе они взяли на себя эту задачу. Украинцы должны решить свои проблемы сами, но посредники помогли нам определить форму переговоров и сесть за стол". ("Газета wyborcza", 30 ноября)
- В субботу и воскресенье практически во всех крупных польских городах прошли демонстрации в поддержку Виктора Ющенко и украинской оппозиции. Улицы заполнились оранжевыми ленточками, шариками и транспарантами. ("Жечпосполита", 29 ноября)
- Делегация польских парламентариев во главе с маршалом Сейма Юзефом Олексом встретила в Киеве с Леонидом Кучмой, Виктором Ющенко и Виктором Януковичем. Двое польских депутатов не участвовали во встрече с Януковичем. "Для нас [эта встреча] была своего рода признанием политика, несущего ответственность за фальсификацию выборов. Поэтому наше отсутствие было намеренным", - сказал один из них. ("Жечпосполита", 30 ноября)
- Томек, студент-химик из Кракова: "Один раз мне захотелось сфотографироваться с людьми, державшими флаг УПА (Украинской повстанческой армии), которая когда-то сражалась и с поляками. Они согласились без колебаний, а потом спросили, знаю ли я, что это за флаг. Я ответил, что, конечно, знаю. На это они сказали, что ненависть между поляками и украинцами - это уже далекое прошлое, что теперь мы лучшие друзья. Уже ради одной этой фразы стоило приехать". ("Газета wyborcza", 30 ноября)
- "Если мы позволим России безнаказанно расправиться с Украиной, расколоть ее или бросить на колени, мы сами можем стать следующими". (Петр Вежбицкий, "Газета wyborcza", 1 дек.)
- Председатель "Польской социал-демократии", бывший маршал Сейма Марек Боровский, обращаясь к депутатам Бундестага, сказал: "Нельзя класть интересы какого бы то ни было государства на алтарь отношений с Россией". ("Газета wyborcza", 2 дек.)
- "Сорок тысяч экземпляров львовского „Высокого замка" со специальным приложением - газетой „Жечпосполита" по-украински - были доставлены вчера на киевский Майдан Незалежности (...) Демонстранты с энтузиазмом восприняли „Жечпосполиту", о которой говорили и с эстрады (...) Во Львове и других городах Западной Украины „Высокий замок" вместе с „Жечпосполитой" распространялся как обычно - по подписке и в киосках. „Многие люди, особенно из интеллигенции, звонили мне и очень хвалили эту идею, говорили об огромной радости от того, что поляки поддерживали нас", - сказал главный редактор „Высокого замка" Степан Курпиль". ("Жечпосполита", 1 дек.)

- "Как (...) оценить действия иностранных посредников, и прежде всего Александра Квасневского, которому удалось экспортировать на Украину польский „круглый стол"? Самый простой ответ на этот вопрос дал [бывший] президент Лех Валенса, которого трудно заподозрить в симпатии к Квасневскому. Он не только не сомневался в том, что можно и нужно разговаривать с Виктором Януковичем, но и - до тех пор, пока с ним не встретился, - прямо-таки демонстративно подчеркивал свою беспристрастность и желание убедить обе стороны конфликта, что необходимо наконец начать поиски мирного решения. Более того, многое указывает на то, что действия обоих президентов - бывшего и действующего, Валенсы и Квасневского, - были скоординированы. И слава им обоим за то, что в столь важный для Украины момент они сумели стать выше личных обид". (Славомир Поповский, "Жечпосполита", 2 дек.)
- Бывший премьер-министр Ежи Бузек представил в Киеве четыре условия урегулирования кризиса, предложенные Европарламентом: 1) разрешить кризис без применения силы; 2) сохранить территориальную целостность Украины; 3) повторить второй тур выборов, но без фальсификаций и без возможности голосовать по открепительным талонам; 4) обеспечить обоим кандидатам равный доступ к СМИ. Помимо Ежи Бузека в составе делегации Европарламента в Киев прибыли, в частности, Яцек Сариуш-Вольский, Марек Сивец, Гражина Станишевская и Михал Каминский. ("Газета wyborcza", 2 дек.)
- "С самого утра Солана, Квасневский и президент Литвы Валдас Адамкус были уже в Киеве. Они встретились в польском посольстве, а затем вместе с Виктором Ющенко и Виктором Януковичем [второй раз] провели переговоры за „круглым столом". На переговорах присутствовали также президент Леонид Кучма и министр иностранных дел Польши Влодзимеж Цимошевич. Вечером к ним присоединился спикер российской Государственной Думы Борис Грызлов". ("Жечпосполита", 2 дек.)
- Из интервью с президентом Александром Квасневским: "Редакция: - Кучма с утра говорит одно, а днем уже совсем другое. Александр Квасневский: - Но ведь мы же подписали коммюнике и после первого заседания „круглого стола", и после второго. Я считаю эти решения обязательными к исполнению. Подписать принятую в среду декларацию я попросил самого Кучму. А там написано: мы отказываемся от применения силы, ведем политический диалог, делаем все, чтобы сохранить территориальную целостность Украины. И главное: ждем решения суда, в то время как эксперты обсуждают сроки". ("Газета wyborcza", 3 дек.)
- Мирослав Попович, профессор Киево-Могилянской академии, директор Института философии Национальной Академии наук Украины: "В событиях на Украине западные посредники играют ключевую роль. Они уравнивают политическую ситуацию. Благодаря международному давлению президенту Леониду Кучме приходится сдерживать обещания, под которыми он собственноручно подписался. Особенно положительно я оцениваю роль в этих переговорах Польши и президента Александра Квасневского, который пользуется доверием украинской политической элиты. Хорошо также то, что представители Запада беспристрастны". ("Жечпосполита", 6 дек.)
- "„Я разделяю радость украинцев", - сказал (...) президент Александр Квасневский [после оглашения вердикта украинского Верховного суда о проведении заново второго тура выборов]. Вместе с главой дипломатии ЕС Хавьером Соланой и президентом Литвы Валдасом Адамкусом Квасневский был посредником на продолжавшихся неделю переговорах, в результате которых была достигнута договоренность о повторении второго тура". ("Газета wyborcza", 4-5 дек.)
- "На Украине идет революция, прекрасная революция, подобная польскому августу 80-го или „бархатной революции" в Чехословакии". (Мартин Босацкий, "Газета wyborcza", 4-5 дек.)
- Украинский публицист Владимир Павлов: "Украинцев приятно удивила прямая поддержка Польши. Усилия польской дипломатии, выступления польских евродепутатов на митингах в Киеве, присутствие и активность на выборах сотен наблюдателей из Польши, интерес польских СМИ - все это сближает наши народы больше, чем примирительные заявления президентов обеих стран, сделанные за последнее десятилетие. Мы не забудем, что сделали для нас поляки". ("Ньюсуик-Польша", 5 дек.)
- Первый фургон с дарами, собранными отцами-василианами из греко-католического прихода на ул. Медовой в Варшаве, выехал на Украину неделю назад и через Дрогобыч доехал до Киева. Во вторник отправляется следующий. ("Газета wyborcza", 7 дек.)
- Фургон и пикап с грузом теплой одежды, продуктов и лекарств отправил на киевский Майдан Незалежности городской совет Варшавы. Совет выделил миллион злотых на материальную помощь Киеву. Первая автоколонна везет товары стоимостью 270 тыс. злотых. Вскоре будут посланы следующие. "Это наша помощь и знак

поддержки этой прекрасной революции", - сказал президент (мэр) столицы Лех Качинский. ("Жечпосполита", 7 дек.)

- Заместитель председателя Европарламента Януш Онышкевич: "Выборы на Украине объединили всю Польшу. Ну, почти всю, так как от всеобщей, чуть ли не восторженной поддержки замечательного демократического подъема украинского народа явно отрешаются круги, связанные с „Лигой польских семей" и „Самообороной". Такая поддержка имеет несколько серьезных причин. Во-первых, это память об исторических узах, связывающих два наших народа, и воспоминания о временах „Солидарности". Во-вторых - убеждение, что в демократической, стабильной, зажиточной и хорошо управляемой Украине жизненно заинтересованы не только мы, но и вся Европа. Ну и, наконец, осознание того, что если России удастся восстановить свое политическое господство и экономический контроль над Украиной, то возникнет прекрасная питательная среда для российской тоски по утраченному международному значению, что чревато возвращением России к имперскому мышлению". ("Газета wyborcza", 6 дек.)

- Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, 48% поляков положительно оценивают посреднические действия президента Александра Квасневского, а 31% - отрицательно. 61% опрошенных симпатизируют Виктору Ющенко и оппозиции, 4% - Виктору Януковичу и власти. 62% выступают за то, чтобы Евросоюз поддерживал демократические движения в соседних странах; 27% - против этого. Роль России в событиях на Украине отрицательно оценивают 67% поляков, а положительно - 8%. ("Жечпосполита", 10 дек.)

- "Мы выполнили программу-минимум", - заявил Александр Квасневский после продолжавшегося шесть часов третьего раунда "круглого стола". На этот раз была достигнута договоренность о внесении изменений в положение о выборах и об изменении состава Центральной избирательной комиссии. В переговорах участвовали Виктор Ющенко, Виктор Янукович, президент Леонид Кучма, а также иностранные посредники: президенты Польши и Литвы Александр Квасневский и Валдас Адамкус, спикер российской Думы Борис Грызлов, генеральный секретарь ОБСЕ Ян Кубиш и глава дипломатии ЕС Хавьер Солана. ("Жечпосполита", 7 дек.)

- "Парламент принял комплексный пакет законов. Большинство украинских политиков, а также иностранные участники „круглого стола" с радостью восприняли результаты голосования. "Миссия международных посредников завершилась успехом", - прокомментировал это событие Александр Квасневский". ("Жечпосполита", 9 дек.)

- Бывший министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк: "Я считаю, что прошедший в понедельник третий раунд „круглого стола" стал переломным. Эта встреча наглядно показала Кучме, что он в изоляции, что международные посредники не разделяют его взглядов. Я не согласен с теми, кто критикует Квасневского. Польский президент этого не заслуживает". ("Газета wyborcza", 9 дек.)

- Збигнев Буяк, приехавший на Украину вместе с Лехом Валенсой и остававшийся там две недели: "Шапки долой перед посредниками! Это полная победа (...) Ющенко сделал ставку на разрешение кризиса на базе права и конституции. Это очень ценно". ("Газета wyborcza", 9 дек.)

- "Миллионы поляков переживали борьбу свободных украинцев за повторение второго тура выборов. Массовость, с которой поляки поддержали украинскую оранжевую революцию, может вселять надежду. Сотни тысяч людей носят оранжевые банты, участвуют в многочисленных демонстрациях или просто внимательно смотрят телевизионные репортажи из Киева". (Петр Семка, "Жечпосполита", 9 дек.)

- Александр Квасневский: "Во всяком случае, одну вещь надо выкрикнуть так, чтобы услышал весь мир: на карте Европы появился новый суверенный общественный и политический субъект. Украинец - это не перекрашенный советский русский. Он не позволит править собой с помощью фальсифицированных выборов. Связи Украины с Россией не подлежат сомнению. 22% жителей Украины - это этнические русские. Украинская революция - серьезная тема для разговоров в Москве". ("Политика", 11 дек.)

- "На Майдане развеваются десятки польских флагов. С каждым днем их все больше. Это важно для украинцев. Когда я шел по улице со своим маленьким флажком, до меня долетали обрывки фраз: „Смотри, из Польши, они тоже с нами, спасибо". И слова, которые здесь знает каждый: „Еще Польша не згинела". Может, потому что наши гимны начинаются похоже? [Украинский гимн начинается словами "Ще не вмерла Украина...". - Ред.] Но не только поэтому. „И нас, и их потрепали вихри истории", - говорит Адрианна из Перемышля, приехавшая в Киев по зову сердца. Она считает, что теперь украинцы смотрят на нас по-другому". (Витольд Шабловский, "Тыгодник повшехный", 12 дек.)

• "Сейчас, в декабре 2004-го, на наших глазах вершится история, которая, быть может, касается нас в еще большей степени, нежели наша переломная [1980-1989 гг.]. На украинцев, которые на морозе борются за свои права и достоинство, мы смотрим со снисходительной симпатией: у них есть своя замечательная солидарность, но они еще не знают, что у них, как и у нас, тоже придет время несолидарности, войны в верхах и темных делишек, проворачиваемых в кабинетах власти (...) Сумеет ли нынешняя Польша мудро, с пониманием исторических особенностей, протянуть Украине руку помощи? Ведь речь идет не о разделе этой страны или присоединении ее к Польше, но о соединении ее с Западом. Удастся ли нам убедить в этом медлительный Евросоюз? Этого я не знаю. Но мне бы очень хотелось ответить на этот вопрос утвердительно". (Ежи Сурдыковский, "Ньюсуик-Польша", 12 дек.)

1: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Из речи президента Александра Квасневского у могилы Неизвестного солдата в Варшаве на торжественной церемонии, посвященной Дню Независимости: "Обрести независимость - великое дело, но не менее важно хорошо ею распорядиться. В этот День Независимости у нашей страны есть особые основания для гордости. Мы впервые встречаем этот праздник в Европейском союзе (...) Теперь, когда Польша входит в сильнейший военный альянс, когда она стала частью европейского сообщества, когда нас окружают союзники и партнеры, а экономика развивается быстрыми темпами, можно с уверенностью сказать, что наша отчизна добилась успеха. И это успех всего общества". ("Газета wyborcza", 12 ноября)

• Согласно опросу института исследований общественного мнения и рынка "Пентор", стиль и эффективность работы президента Александра Квасневского положительно оценивают 50,4% поляков, а отрицательно - 39,8%. 40% опрошенных считают, что правление Квасневского способствовало развитию демократии и правового государства, 18% придерживаются противоположного мнения, а 40,4% заявили, что влияние президента на эти процессы было незначительным. 38,5% опрошенных верят, что президент Квасневский не замешан в подозрительных связях политиков с крупным бизнесом, 34,1% думают иначе, а 27,4% не определились с ответом. ("Впрост", 21 ноября)

• Польша впервые приняла полугодичное председательство в Совете Европы, объединяющем 46 государств, население которых в общей сложности составляет 800 млн. человек. Свой первый визит в качестве главы дипломатического ведомства страны, председательствующей в Совете, министр Влодзимеж Цимошевич нанесет в Киев. ("Газета wyborcza", 12 ноября)

• Польша, Германия и Словакия подписали договор о создании совместной группы сил быстрого реагирования в рамках Евросоюза. На первых порах это соединение будет находиться под польским командованием. На 55-60% оно будет состоять из польских солдат. Соединение достигнет полной боеготовности к 2009-2010 году. В силах быстрого реагирования ЕС будет 13 таких групп, по полторы тысячи солдат в каждой. ("Газета wyborcza", 23 ноября)

• По мнению директора-распорядителя Международного валютного фонда Родриго де Рато, польская экономика сильна и прекрасно развивается. Польша проводит ответственную монетарную политику, а к концу 2005 г. инфляция не должна превысить 2,5%. МВФ планирует открыть в Варшаве постоянное региональное представительство. "Это решение должно подчеркнуть активность МВФ в Центральной Европе и роль Польши в этом регионе", - сказал де Рато. ("Жечпосполита", 23 ноября)

• "При приватизации Польского банка „Всеобщая сберегательная касса" министр государственной казны Яцек Соха достиг того, о чем мечтали многие другие игроки на рынке капитала: он наконец-то привлек на фондовую биржу огромную массу мелких инвесторов (...) Тем самым Соха сумел частично восстановить общественное доверие к приватизации, облегчив задачу своим преемникам". ("Ньюсуик-Польша", 28 ноября)

• Доходы от продажи книг выросли в Польше с 240 млн. злотых в 1991 г. до 2,9 миллиарда в 2003-м. ("Газета wyborcza", 25 ноября)

• Уровень безработицы продолжает снижаться: по данным Главного статистического управления (ГСУ), в сентябре он составлял 18,9%, а в октябре - уже 18,7%. В октябре в Польше было 2,938 млн. безработных, т.е. на 3,9% меньше, чем год назад. ("Жечпосполита", 26 ноября)

• Божена Лопакская, выигравшая процесс о компенсации за неоплаченные сверхурочные часы: "[Сеть супермаркетов] "Бедронка" ("Божья коровка") - это пирамида страха. Один боится другого, а все вместе - безработицы (...) Я должна бросить "Бедронку" и рассказать, что женщины работают там по десять часов в день

вместо шести. Что за 400 злотых на руки они лишаются здоровья, а иногда даже детей (...) Я испугалась угроз и подписала заявление об увольнении (...) Наконец я взбунтовалась (...) Я буду бороться, я выступлю против гиганта. В иске я написала все, что чувствую, - так по-простому, по-польски (...) меня нашел Эдвард Голент из Общества пострадавших от действий Жеронимо Мартинса [владельца "Бедронки"]. Это общество основали обманутые предприниматели, которым не заплатили за товар. Когда я вступила в него, простых наемных работников там было всего полтора десятка. Теперь нас уже несколько сотен. В самом конце процесса мне бесплатно помог адвокат Лех Обара. Когда оглашали приговор, перед судом стояли три машины телевизионщиков, журналисты из „Газеты выборчей", из „Жечпосполитой", с Би-Би-Си и даже из Нью-Йорка (...) Я победила, потому что Польша - не страна бесправия. Потому что в суде надо говорить правду (...) Звонили работники [других сетей супермаркетов] „Реала", „Касторамы", „Лидла", „Жеанта", чтобы с нами объединиться (...) Работают уже девять пунктов юридической помощи жертвам Жеронимо Мартинса. Мы будем следить за этой фирмой. Мы накажем ее, чтоб остальные задумались". ("Газета выборча", 20 ноября)

- Марек Голишевский, основатель Business Center Club: "До сих пор члены нашего клуба предназначили на помощь обездоленным почти 200 млн. злотых. Они покупают мебель для богаделен, устраивают детям выезды на каникулы, становятся приемными родителями, оплачивают юридические консультации бездомным, организуют профессиональную практику для безработных, дают стипендии будущим предпринимателям. Тем самым они способствуют развитию гражданского общества". ("Тыгодник повшехный", 14 ноября)

- По заказу Института философии и социологии Польской Академии наук ЦИОМ провел опрос о престижности в Польше отдельных профессий. Опрошенные оценили 36 профессий по пятибалльной шкале, приписывая им соответствующую степень уважения - от огромного до ничтожного. Первое место занял университетский профессор, набрав 81,61 балла. Далее места распределились так: шахтер - 77,25 балла; медсестра - 77,02; учитель - 76,35; врач - 75,22; информатик - 74,87; крестьянин-единоличник, владеющий средним хозяйством, - 73,64; кадровый офицер в чине капитана - 72,32; заводской инженер - 72,06; журналист - 71,70; каменщик - 70,82. 13-е место занял судья, 16-е - полицейский, 17-е - уборщица, 19-е - продавец, 20-е - владелец маленького магазина, 22-е - адвокат, 23-е - священник, 32-е - курьер, 34-е - министр, 35-е - депутат Сейма, 36-е и последнее - деятель политической партии. ("Политика", 27 ноября).

- Совет государственной гражданской службы почти единогласно постановил, что бывшие сотрудники госбезопасности ПНР не могут работать в государственной администрации. В каждом отдельном случае решение будут принимать начальники учреждений. ("Жечпосполита", 26 ноября)

- Адвокат Томаш Квятковский, бывший директор канцелярии президента Леха Валенсы, окончательно признан виновным в люстрационной лжи. По неофициальным сведениям, его контакты с госбезопасностью начались во время учебы на юридическом факультете Варшавского университета. Адвокат отрицал это. Постановление Верховного суда означает, что Квятковский на протяжении 10 лет не сможет работать адвокатом. ("Жечпосполита", 10 дек.)

- "Когда в Свентайно наступает ночь, мужчины садятся в машину и отправляются в дозор. До рассвета они будут патрулировать улицы и окраины деревни. В машине у них есть телефон и прожектор. Они необыкновенно эффективны. В деревне прекратились кражи, нападения и взломы. Свентайно - самая безопасная гмина в Польше". ("Жечпосполита", 17 ноября)

- Комиссия Сейма по расследованию аферы "Орлена" решила допросить маршала Сейма Юзефа Олексы, который много лет назад поддерживал приятельские отношения с российским шпионом Владимиром Алгановым. (Сейчас Алганов связан с российским энергетическим сектором - в этом качестве он встретился на торговых переговорах с польским предпринимателем Яном Кульчиком). ("Тыгодник повшехный", 14 ноября)

- Лодзинская прокуратура начала следствие по факту встречи Кульчика с Алгановым. ("Тыгодник повшехный", 14 ноября)

- "Ян Кульчик обещал помочь президенту „Лукойла" захватить польский нефтяной рынок (...) В октябре 2002 г. Кульчик встретился в Лондоне с президентом „Лукойла" Вагитом Алекперовым. Речь шла о слиянии концерна „Орлен" с Гданьским нефтеперерабатывающим комбинатом, а также о шансах россиян получить контрольный пакет в новой объединенной компании. Тем самым „Лукойл" получил бы контроль над ключевым для энергетической безопасности Польши нефтяным терминалом „Нафтопорт"". ("Жечпосполита", 8 дек.)

- 35% поляков верят, что комиссия Сейма по расследованию аферы "Орлена" выявит нелегальные связи бизнеса с политикой. 51% придерживается противоположного мнения, а 14% не определились с ответом. Состоялось уже 22 заседания. Члены комиссии проработали вместе почти 170 часов, в течение которых они допросили 25

свидетелей и одного уполномоченного свидетеля. Проведены 4 очные ставки прокуроров с офицерами бывшего Управления охраны государства. Депутаты выслушали информацию, предоставленную министром юстиции Марек Садовским, начальником Разведывательного управления Анджеем Ананичем и начальником Управления внутренней безопасности Анджеем Барциковским. Ход 15 открытых заседаний описан на 2610 страницах стенограмм. Семь заседаний прошли за закрытыми дверями: они не транслировались по телевидению, были недоступны для журналистов, а стенограммы допросов были засекречены. В комиссии скопилось уже 1200 томов документов по делу, расследование которого ей поручил Сейм. "Быть может, Сейм очертил слишком широкий круг проблем, не ожидая, что наружу выйдет столько грязи", - размышляют депутаты. ("Политика", 20 ноября)

- "Хотя наше государство всерьез больно, оно предприняло попытку оздоровления. Система оказалась излечимой. Лекарством послужили следственные комиссии Сейма, ставшие чем-то вроде предохранителей системы. С них и началось восстановление". (Игорь Залевский, "Впрост", 21 ноября)

- Вынесен приговор по делу Льва Рывина. Апелляционный суд пришел к выводу, что Рывин действовал не один, но был посредником во взяточнической миссии. Таким образом подтвердилось заключение следственной комиссии Сейма, в дальнейшем принятое всем Сеймом. Рывин приговорен к двум годам лишения свободы и штрафу в размере 100 тыс. злотых. Приговор вступил в законную силу. Теперь прокуратура должна либо согласиться с судом и начать допрашивать тех, кто послал Рывина, либо обжаловать приговор. ("Жечпосполита", 11-12 дек.)

- Сейм лишил депутатской неприкосновенности обвиненного в коррупции Анджея Пэнчака и дал согласие на его арест. На следующий день депутат, исключенный из "Союза демократических левых сил" (СДЛС), был арестован. ("Тыгодник повсехный", 28 ноября)

- "После ареста депутата Анджея Пэнчака возникло замешательство. Следует ли возить арестованного депутата на голосования: ведь никто не лишал его мандата, а сам он, несмотря на призывы партийных товарищей, не захотел от него отказаться? Будет ли он получать полную депутатскую зарплату? Будет ли его канцелярия, содержащаяся за государственный счет, работать как ни в чем не бывало? Не совсем понятно, что делать, так как налицо правовой пробел и сначала надо было бы изменить закон о правах и обязанностях парламентариев". (Янина Парадовская, "Политика", 4 дек.)

- "Председатель Конституционного суда проф. Марек Сафьян пишет письма сменяющимся маршалам Сейма, обращая их внимание на неисполнение постановлений Конституционного суда по важным для граждан вопросам. Он напоминает, что проходят установленные сроки, но ничего не изменяется (...) Налицо явный кризис в отношениях Сейма и Конституционного суда - кризис столь опасный, что даже несоответствия основному закону не ликвидируются. И Сейм это несколько не беспокоит". (Янина Парадовская, "Политика", 13 ноября)

- Согласно опросу ЦИОМа, в конце ноября "Гражданскую платформу" поддерживали 29% поляков, "Право и справедливость" - 18, "Самооборону" - 12, "Лигу польских семей" - 11, крестьянскую партию ПСЛ - 7, СДЛС - 6, "Польскую социал-демократию" - 5, "Унию свободы" - 4, "Унию труда" - 2%. (Избирательный барьер составляет 5%). ("Газета wyborcza", 9 дек.)

- Депутат Европарламента от "Права и справедливости" Михал Каминский: "Пришло время задаться вопросом, почему деятели „Лиги польских семей" всегда занимают позицию, отвечающую интересам России?" В голосовании по принятой Европарламентом резолюции по Украине депутаты ЛПС воздержались. По их мнению, это вмешательство в дела суверенного государства, а украинцы должны сами определить свое будущее. ("Газета wyborcza", 6 дек.)

- Из резолюции, принятой Всепольским советом "Унии свободы": "В Польше уже много лет существует лагерь сторонников России, поддерживающий имперскую политику российской олигархии. К нему принадлежат люди из разных партий и кругов. Они действуют как неформальное российское лобби, способствуя политическому и агентурному проникновению России в Польшу". ("Газета wyborcza", 8 ноября)

- "Когда десять дней назад [беженцы из Чечни] пересекали польскую границу, Салман сказал: „Вот она, эта страна". Шестилетний Абу припал к окну вагона. „Нравится?" - спросил его отец. Абу на секунду задумался: „А где танки? У них здесь что - нет танков?" ("Политика", 27 ноября)

- Делегация польского МИДа заявила в Москве, что Польша значительно расширит категорию граждан Белоруссии, России и Украины, которые смогут получать долгосрочные и многократные визы. Это будет

касаться, в частности, предпринимателей, деятелей культуры, спортсменов, железнодорожников и водителей, часто ездящих в Польшу, а также пенсионеров и лиц, у которых в Польше есть родные. Россияне и белорусы, входящие в эту группу, смогут получать многократные визы на год, а украинцы - на пять лет. ("Газета wyborcza", 19 ноября)

- Польская православная Церковь отпраздновала 80-летие своей автокефалии, т.е. независимости от других поместных Церквей. Юбилейные торжества, которые возглавил архиепископ Савва, прошли в кафедральном соборе св. Марии Магдалины в варшавском районе Прага. В Польше живет 600 тыс. православных. ("Тыгодник повсехный", 21 ноября)

- "Премьер-министр Марек Белька принял участие в закрытой для прессы встрече с представителями парламентских фракций, на которой обсуждалась ситуация в Белоруссии и на Украине. По окончании встречи было, в частности, сказано, что Польша будет выделять бюджетные средства на поддержку демократических инициатив у своих восточных соседей". ("Тыгодник повсехный", 21 ноября)

- МИД рекомендовал польским консулам выдавать гражданам Белоруссии, России и Украины визы с более длительным сроком действия. ("Жечпосполита", 22 ноября)

- Министры иностранных дел 25 стран Евросоюза приняли предложение Польши относительно контактов ЕС с белорусскими властями. Принцип запрета на двусторонние контакты с властями Белоруссии останется в силе. Исключение составят вопросы, касающиеся приграничного сотрудничества. ("Жечпосполита", 23 ноября)

- До недавнего времени, когда речь заходила о возможности принятия Украины в Евросоюз, польские дипломаты оказывались в изоляции. Сейчас за "европейскую перспективу" для Украины высказываются Чехия, Венгрия, Словакия, Литва и Латвия, а скандинавские страны хотят быстрого развития контактов с Украиной. Министры иностранных дел Польши и Германии представили Совету ЕС совместную стратегию развития отношений с Украиной, выходящую за рамки недавно принятого стандартного плана действий. ("Жечпосполита", 10 дек.)

- Бывший начальник Разведывательного управления Збигнев Сементковский (СДЛС): "Я знаю одно: в случае любого западного концерна, который хочет делать в Польше бизнес, мы имеем дело только с экономическим планом. За этим концерном не стоит политический план государства, в котором размещается капитал. С Россией совсем другое дело. Можно предположить, что политика экономической экспансии главных российских концернов связана с генеральными политическими планами российского государства (...) Я сказал комиссии, что экономический критерий применим, когда имеешь дело с посредником, экспортирующим овощи, а не монополизирующим поставки важнейшего для Польши стратегического сырья". ("Газета wyborcza", 24 ноября)

- Станислав Лем: "Путин пытается реставрировать советскую империю, но на этот раз методом экономического давления. В нашей стране царит, пожалуй, умышленное неведение относительно преднамеренности его действий. Лишь изредка можно услышать голоса людей, предостерегающих перед надвигающейся опасностью. В военном отношении Россия не собирается снова заковывать нас в кандалы, однако будет достаточно, если она начнет постепенно перекрывать краны с нефтью и газом. Я бы не надеялся на то, что нас спасет НАТО или ЕС. Если мы сами себя не спасем, никто за нас этого не сделает". ("Тыгодник повсехный", 28 ноября)

- Вальдемар Кучинский: "В 1999 году (это последний год, за который у меня есть полные данные, однако существенных изменений с тех пор не произошло) 68% используемого в Польше энергетического сырья составляло твердое топливо, т.е. уголь отечественного производства. Доля нефти (исключительно импортной) составляла 20%, а газа - 11%, в т.ч. 4,8% добывалось в Польше. В общей сложности около 73% энергетического сырья было отечественного производства, а 27 - импортного (...) Разумеется, 27% импорта - это немало. Они удовлетворяют нужды транспорта, работающего на жидком топливе, части теплоэнергетики и некоторых отраслей промышленности (...) Импортируемая часть сырья важна, однако, что касается нефти, составляющей 3/4 импорта, то здесь потенциальной угрозы со стороны России быть не может. В гданьском порту есть четыре терминала, которые позволяют ежегодно перегружать из танкеров водоизмещением до 300 тыс. тонн 34 млн. тонн нефти и нефтепродуктов. В Плоцк можно транспортировать нефтепроводом 25 млн. тонн. Польша использует в год около 19 млн. тонн, а Плоцк перерабатывает 12 млн. тонн нефти (...) Остается газ, т.е. около 6-7% необходимого нам энергетического сырья (...) Что касается газа, то мы чрезмерно зависим от одного государства-поставщика, и вдобавок это государство - Россия. В Польше нет дискуссий по поводу того, что зависимость эту нужно уменьшать путем диверсификации источников поставок". ("Политика", 4 дек.)

- Из интервью с премьер-министром Марекком Белькой: "Обстоятельства вынуждают нас четко определить, на чем должна основываться наша политика в отношении российских инвестиций в Польшу и польских в России. Необходимо ясно сказать, что есть стратегические секторы (в частности нефтяная промышленность), где

приоритетом является безопасность государства. А это значит, что в стратегическом секторе иностранные, в т.ч. и российские инвестиции, должны подчиняться этому критерию (...) Вообще говоря, нужно обеспечить себе хотя бы потенциальную возможность диверсификации поставок". ("Газета wyborcza", 4-5 дек.)

• Вице-премьер Ежи Хауснер: "Несмотря на аферу „Орлена" и участие в ней российского шпиона Владимира Алганова, Москва все еще хочет участвовать в приватизации польского нефтяного сектора. Пока что мы не собираемся ничего продавать. Я ясно сказал об этом нашим московским партнерам". ("Газета wyborcza", 8 дек.)

• "Решающее значение для уровня нашей энергетической безопасности имеет логистика - ведь электричество, нефть, газ и топливо нужно как-то доставить потребителям. Для этого необходимы высоковольтные линии, нефтепроводы, газопроводы, насосы, склады и т.п. (...) Нефтяной терминал и Поморский трубопровод становятся стратегическим элементом польской энергетической инфраструктуры и лакомым кусочком для инвесторов, особенно российских. Отсюда решение правительства оставить энергетическую инфраструктуру в руках государства, чтобы мы чувствовали себя в безопасности, а все фирмы, торгующие энергией и энергетическим сырьем, могли иметь к ней равный доступ. Это - один из элементов правительственных „Основ энергетической политики государства до 2020 года" - базового документа, определяющего направление развития польской топливно-энергетической отрасли (...) 30-35% используемого нами газа поступает из польских месторождений. Продолжаются работы по увеличению добычи". (Адам Гжещак, "Политика", 11 дек.)

• Согласно опросу ЦИОМа, почти каждый третий поляк считает, что независимость Польши в опасности. Большинство поляков рассматривает Российскую Федерацию как потенциальную угрозу польской независимости. Каждый второй поляк считает, что в контактах с Россией Польша недостаточно защищает свои интересы. По мнению каждого третьего, наши контакты развиваются нормально. ("Газета польска", 10 ноября)

• "Институт национальной памяти (ИНП) принял решение начать следствие по делу о катынском преступлении. Следствие коснется убийств, совершенных советскими должностными лицами в Москве, Харькове, Смоленске, Катыни, Калинин (ныне Тверь) и других местах на территории СССР с 5 марта до неустановленного дня 1940 года. В 1940 г. НКВД расстреляло около 22 тысяч офицеров и полицейских, а также гражданских лиц, взятых в плен после нападения СССР на Польшу 17 сентября 1939 года. В сентябре 2004 г. Главная военная прокуратура РФ прекратила продолжавшееся 14 лет следствие по этому делу". ("Жечпосполита", 1 дек.)

• Директор Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа, заместитель директора ИНП проф. Витольд Кулеша: "Если бы Главная военная прокуратура Российской Федерации передала ИНП заключительный документ проведенного ею расследования и если бы из него вытекало, что цели следствия достигнуты, то наше расследование не имело бы смысла. Но мы такого документа не получили". ("Газета польска", 8 дек.)

• Проф. Витольд Кулеша: "ИНП должен составить как можно более полный список жертв катынского преступления, а также установить фамилии преступников. Другая наша обязанность - квалифицировать это убийство как военное преступление и акт геноцида (...) Во время августовских переговоров в Москве тамошняя Главная военная прокуратура выложила на стол в качестве своего рода декорации документы по катынскому делу. Мы их быстро сосчитали. Вышло 165 томов. Между тем мы получили копии только 92 томов. Остальные нам обещали прислать, но не позволили в них заглянуть. Несмотря на несколько напоминаний мы их до сих пор не получили (...) Когда в Москве отвергли наше мнение о том, что катынское преступление - акт геноцида, я напомнил, что на Нюрнбергском процессе советский прокурор утверждал обратное". ("Впрост", 12 дек.)

• По мнению заместителя министра иностранных дел России Сергея Разова и помощника президента Путина Сергея Ястржембского, катынское преступление нельзя квалифицировать как акт геноцида, ибо в подобном преступлении не может быть обвинен член антигитлеровской коалиции. Кроме того, в советских тюрьмах и лагерях сидело около 250 тыс. поляков, а в Катыни их убили "только" 22 тысячи. (Директор ИНП проф. Леон Керес, "Жечпосполита", 11-12 дек.)

• "Пусть эти ракеты так устрашают противника, чтобы вам никогда не пришлось ими воспользоваться", - пожелал польским солдатам министр обороны Израиля Шауль Мофаз во время церемонии передачи первой партии ракет "Спайк". Ракеты, производимые израильской фирмой "Рафаэль", будут основным противотанковым оружием польской армии. ("Газета wyborcza", 17 ноября)

• "Президент Варшавы Лех Качинский призвал домовладельцев, жилищные кооперативы и администраторов домов помочь бездомным кошкам пережить зиму. Достаточно позаботиться о том, чтобы подвальные или чердачные двери были приоткрыты, благодаря чему животные смогут войти в теплые помещения". ("Жечпосполита", 8 ноября)

2: ХРЕСТОМАТИЯ ПЕРЕД СУДОМ ПОТОМКОВ

Из полутора десятков профессоров-поляков, преподавателей Императорского Варшавского университета, созданного в 1869 г. вместо закрытого Главного училища, пожалуй, самой худшей репутацией пользовался Теодор Вежбовский (1853-1923), историк, издатель источников и библиограф. В укор ему ставили чтение лекций на русском языке по истории польской литературы (с 1882): якобы этим он вообще загубил возможность преподавать по-польски. Его лекции вызвали всеобщее возмущение: польская печать, выходившая в Австрии и Пруссии, выражала это открыто, скованная цензурой печать Царства Польского - намеками. Возмущение было еще сильнее из-за того, что предыдущий кандидат на чтение этого курса Петр Хмелёвский решительно отказался принять сделанное ему предложение, тем более что знаменитый своей политикой русификации Александр Апухтин хотел разделить курс на две части: до XV века его должен был читать поляк, а о следующих столетиях, полных конфликтов Речи Посполитой с восточным соседом, - русский.

На создание кафедры польского языка и литературы Александр II дал согласие в январе 1881 г. - правда, не в качестве самостоятельной, а в составе кафедры славянской филологии. Однако и так, пишет биограф Вежбовского Э.Гагон-Домбровская, "радость польского общества была повсеместной". Ее сменило разочарование, как только стало известно, что лекции будут читаться по-русски, а не по-польски, как предусматривалось первоначально. Как вспоминает один из современников, сам Александр II, по слухам, смеялся "над глупостью своих исполнителей, когда ему сказали, что польский язык полякам в их собственной стране преподается по-русски", но власти, управлявшие образованием в Царстве Польском, твердо на этом уперлись. И вот начали искать кандидата-поляка, у которого не было бы угрызений совести честного человека. "Нашли Теодора Вежбовского, человека, не лишённого научных знаний, но мерзейшего карьериста, - и сразу все свихнулось". Так писал Станислав Кшемминский, бывший член национального правительства во время восстания 1863 года. И далее: "Литература г-на Вежбовского - это литература для русских: молодежь на его курс не ходит, ибо предмет не обязательный, а лекции отпугивают". Такое же мнение выражал правовед и публицист Станислав Кошутский (1872-1930) в опубликованной многие годы спустя автобиографии. У него мы читаем, что курс Вежбовского подвергся бойкоту, так как он взялся читать его по-русски "вопреки требованиям молодежи, чтобы власти ввели преподавание этого предмета по-польски".

Разочарование, возмущение и гнев были тем более велики, что от такого курса многого ожидали. В обстоятельствах того времени, когда постановлениями Комитета по делам Царства Польского 1868-1869 гг. русский был введен в государственных школах как язык преподавания, уроки польского оставались единственным источником знаний не только о родном языке и литературе, но и о польской культуре. Намерения же властей, совершенно очевидные, состояли в том, чтобы и обучение польскому стало еще одним орудием русификации. Как пишет исследователь системы образования в Царстве Польском, "знакомить учащихся с историей польской литературы или оригинальными литературными произведениями не дозволялось". Даже польскую грамматику преподавали по-русски и в точном соответствии с преподаванием русской грамматики.

Невольно думаешь, что в каком-то смысле, хотя и в фундаментально изменившихся условиях, повторялась ситуация эпохи Речи Посполитой, когда учащиеся иезуитских коллегий, независимо от того, на каком языке говорили у них дома, были обязаны переводить латинские и греческие тексты на польский, а польские - на латинский и греческий. В результате они приобретали умение пользоваться языком Рея и Кохановского. Однако, если им это не подходило, они могли пойти в какую-то из других школ, в том числе и иноверческих, в то время как в Царстве Польском времен Апухтина мужские гимназии были только государственными (частные гимназии были разрешены лишь после революции 1905 года).

Русификация образования, проводившаяся столь безжалостно, находила свое соответствие в Пруссии, где точно так же проводилась германизация. И настолько близкое соответствие, что свою знаменитую новеллу, показывающую трагедию польского ребенка в русской школе, Генрик Сенкевич сначала напечатал в Галиции под заглавием "Из записной книжки репетитора", чтобы, изменив некоторые реалии, затем опубликовать ее с согласия русской цензуры под названием "Из записной книжки познанского учителя". Общество было возмущено и русификацией, и германизацией, тем более что с этим контрастировало положение в Австрии, где, как известно, после получения Галицией автономии наступила полная реполонизация образования - от высших учебных заведений вплоть до начальных школ. Из галицийской печати можно было также узнавать об успехах русификации и германизации в остальных двух частях разделенной Польши.

Составленный Вежбовским учебник возбуждал возмущение еще и потому, что в вышедшей раньше книге для чтения Петра Дубровского (компилятора, о котором Петр Хмелёвский писал, что тот "не чувствовал тонких различий между родственными языками - польским и русским - и допускал многочисленные ошибки против духа польской речи") вступления и примечания к отдельным произведениям давались только по-польски, по-

польски и по-русски приводились заглавия вошедших в книгу для чтения отрывков, а в конце был польско-русский словарь. Не было русских объяснений и в вышедшей почти одновременно (1 изд. - 1882-1883) книге для чтения Антония Бондкевича, отличавшейся, по словам его биографа, "хорошим отбором и богатством материала". То же касается и вышедших позже "Польской книги для чтения" Юзефа Лукомского (чч. I и II, Варшава, 1890 и 1893) и "Хрестоматии польских писателей" Максимилиана Лышковского (ч. I, Варшава, 1895).

Общественность никогда не забыла и не простила Вежбовскому то, что его учебник до самого конца российского владычества оставался единственной книгой, содержащей объяснения по-русски. Возмущались не только русской "оправой" польских текстов, но и помещенным в конце "Словарем архаизмов, провинциализмов, иностранных слов и латинских выражений", где все объяснения Вежбовский давал только по-русски. Вдобавок хрестоматию подготовил тот же человек, который почти одновременно стал по-русски читать лекции в отнятом у поляков университете. Таким образом, она по многим причинам не служила польско-русскому сближению, так же, как и включение в список обязательного чтения "Тараса Бульбы", о котором даже начальник пётрковской жандармерии писал в 1880 г., что учитель русского языка безо всякой необходимости заставляет читать на уроках те отрывки романа, которые "оскорбляют национальные чувства польских учащихся", ибо говорят о взаимной ненависти поляков и русских, в то время как у того же Гоголя можно найти и такие сочинения, которые "говорят о дружбе этих народов".

Напрасно Вежбовский пытался оправдать свое решение преподавать по-русски, объясняя, что еще один отказ либо вообще прикончит самую возможность курса польской литературы, либо приведет к тому, что курс поручат русскому. Он также напоминал, что его курс охватит всю историю польской литературы, а не только период до начала XVI века. Но его попытка поместить эти объяснения в тогдашней варшавской печати встретила в 1882 г. с отказом ряда редакций. До всеобщего сведения Вежбовский сумел довести их только в начале XX века. В памяти школьников того времени он остался главным образом как автор хрестоматии по литературе для средних школ, о которой автор примечаний к "Сизифову труду" Стефана Жеромского написал, что "в результате тенденциозного подбора текстов в согласии с навязанной властями программой" она не давала "подлинной картины нашей национальной словесности". Как и книга для чтения Петра Дубровского, она, пишет комментатор, была полна сознательных искажений и очищена от "опасных" текстов, способных помешать в деле русификации молодежи.

В "Сизифовом труде" Зыгер читает один из многих, совсем неинтересный текст из хрестоматии Вежбовского. Одноклассники, видя, что начинаются обычные "национальные занудства", взялись за недоделанные уроки или попросту "кое-как укладывались подремать". Прямо перед этим чтением Зыгера учитель польского Штеттер поручает кому-то перевести на русский стихотворение Чайковского "Паук". Здесь Жеромский пользуется правами художественного вымысла: из текста романа ясно следует, что это стихотворение находится в хрестоматии Вежбовского, между тем как ни в первом (1884), ни во втором (1888) издании хрестоматии не было ни одного сочинения Антония Чайковского. Кстати, Казимеж Чаховский, автор биографии Чайковского в "Польском биографическом словаре" (1938) включает "Паука" в число произведений, пользовавшихся широкой популярностью, в частности ввиду содержащейся в нем похвалы упорному труду. Кроме того Мартин Борович из "Сизифова труда" родился в 1864 г., учиться в гимназии начал десятью годами позже, а закончил ее до выхода "Хрестоматии" Вежбовского.

Вышеупомянутая книга для чтения Петра Дубровского (1812-1882) никак не могла сравниться с учебником Вежбовского. Еще современники указывали многочисленные ошибки автора в грамматике и стилистике. (В декабре 1882 г. Жеромский отправил в "Газету келецку" весьма критическую заметку о хрестоматии Дубровского, но, как он и ожидал, ее не напечатали.)

Это был лишенный всякого серьезного замысла выбор текстов для чтения, рассказывающих о разных континентах, растениях, животных, а также о человеческих пороках, текстов, по преимуществу заимствованных из более ранних хрестоматий. Правда, Дубровский поместил и отрывки из произведений Игнация Ходзько, Казимежа Бродзинского, Станислава Яховича, Юзефа Коженёвского, из моральных рассуждений Яна Снядского, Юзефа Игнация Крашевского, философа и историка искусства Юзефа Кремера, но в целом это были произведения низкой художественной ценности, к тому же многие из них были способны вызвать у школьников скуку. Этому хаотическому собранию мало могли помочь "Возвращение отца" Мицкевича, "Павел и Гавел" Фредро или несколько сказок Красицкого. Хотя вышеупомянутого "Паука" мы не найдем и у Дубровского. Как вытекает из дневников Жеромского, учась в школе, он пользовался исключительно книгой для чтения Дубровского, о которой отзывался весьма критически, а вынесенные им впечатления перенес на учебник Вежбовского, фамилия которого в дневниках вообще не появляется. В Вежбовского он, окончив гимназию, не заглядывал, да и незачем было.

Несмотря на все это книга для чтения Дубровского, скончавшегося в 1882 г., до 1890 г. дождалась целых 11 переизданий, в том числе нескольких посмертных, что следует отнести на счет замысла автора, в который входили все предъявляемые к таким учебникам требования. Принципиальная цель этих требований сформулирована уже в самом заглавии: "Польская книга для чтения с целью упражнения в переводах с польского языка на русский, с приложением польско-русского словаря". Заседавшие в органах народного образования русификаторы, должно быть, с горячим одобрением читали содержащееся в предисловии Дубровского утверждение, что сравнительное изучение двух языков (польского и русского) "чрезвычайно полезно может быть для учащейся молодежи, особенно тем, что таким образом удастся увидеть близкую их друг с другом родственность, а во многих случаях различия только мнимые, вытекающие главным образом из различной письменности, то есть славянской и латинской". В школах апухтинской эпохи действительно стремились внушить учащимся убеждение, что польский - лишь один из диалектов русского, а не отдельный язык. Таким образом, Дубровский идеально воплощал мечты русификаторов об учебнике, в который "входили бы статьи польских авторов, дружественно или по крайней мере не враждебно относящихся к России" (Э.Сташинский. Царская политика народного просвещения в Царстве Польском. От восстания 1863 г. до I Мировой войны. Варшава, 1968. [Приводимые здесь и далее ссылки на литературу даются в русском переводе авторов и заглавий. - Пер.]).

Тайна многочисленных переизданий книги для чтения Дубровского состояла и в том, что учебник Вежбовского, который должен был с ней конкурировать, уже в первом издании возбудил недовольство властей. Они без особого труда расшифровали патриотический замысел и верно угадали действительные намерения автора. Им, конечно, не мешали включенные в хрестоматию в числе так называемых приложений избранные "народные песни, пословицы и поговорки, предания и легенды с разных концов Польши". На такие тексты русская цензура смотрела даже благожелательно, уверенная, что они будут служить "воспитанию чувства племенного единства всех славян". Вежбовский старательно воспользовался и "этой возможностью, чтобы посредством литературы повлиять на упрочение национального чувства среди польской молодежи" (Л.Словинский. Преподавание польской литературы в школе в 1795-1914 гг. Варшава, 1976).

В согласии с намерениями властей, которые как огня боялись систематического изложения истории литературы, в учебнике не было разделения на эпохи. Авторы приводились в хронологическом порядке, по датам рождения. Все это, однако, не слишком улучшило мнение властей о хрестоматии. Крайне бестактным, например, они сочли включение в нее гимна "С дымом пожаров...", указывая, что эта песня считалась "национальным гимном последнего польского восстания". Вежбовский подчинился этому указанию, заменив песню отрывком из "Жалобы Иеремии" того же Корнеля Уейского. Однако в короткой заметке о жизни и творчестве Уейского он не преминул сообщить читателям, что поэт - автор хорала "С дымом пожаров...". Вступления, иногда весьма обширные, были напечатаны по-русски, но названия упоминаемых произведений Вежбовский приводил по-польски, то же относилось и к библиографическим сведениям. Разумеется, Вежбовскому пришлось отказаться от текстов, недружелюбно говоривших о "Москве" и русских, а из "Начал и развития московской войны" он привел только резкую критику той поддержки, которая была оказана Дмитрию Самозванцу, прямо называя его мошенником. Правда и то, что он обильно приводил тексты, критикующие порочное устройство Речи Посполитой, а из произведений "трех великих поэтов" [Мицкевича, Словацкого и Красинского] привел стихи сравнительно невинные и лишённые политического контекста. В стихотворении Каспера Мяковского в честь Яна Замойского он опустил строфу, славящую его победы в Ливонии, взятие Плоцка и "укрощение тирана" (Ивана Грозного), в довольно обширной биографии Яна Хризостома Пасека обошел молчанием его бои с Москвией. Зато в биографии Хуго Коллонтая Вежбовский нашел нужным упомянуть, что после взятия в плен Коллонтай ушел в Австрию, где просидел в тюрьме вплоть до 1802 года. Одновременно в хрестоматию попали даже те фрагменты "Барбары Радзивилл" Алоизия Фелинского, которые когда-то так возмутили великого князя Константина.

Напомним, что еще в 1821 г. власти запретили ставить эту пьесу и запрет сохранялся до самого конца российского владычества. Да и трудно этому удивляться, если Фелинский постоянно называет поляков "свободным народом", а Вежбовский с явным удовлетворением это перепечатывает. Не случайно было и то, что в хрестоматии заняли много места отчеты с различных сеймов, на которых монарху напоминали, что "мы тебя (...) свободными голосами королем избрали". В произносимых там речах постоянно звучит напоминание о том, какие "великие свободы" получили поляки.

В период усиленной русификации почти провокацией следует считать включение в хрестоматию обширной похвалы национальному языку авторства Кароля Либельта (1807-1875). Учащиеся могли там прочитать, что язык составляет необходимое условие существования народа. "Выпусти из человека кровь, утечет с ней и жизнь его; выпусти из народа язык, утечет с ним и жизнь его. Народ жив, пока его язык жив". Чтобы противостоять этому, следует придать воспитанию "национальное направление. Так начала свое дело славная в нашей истории

Комиссия образования. Да только средство слишком поздно уже было употреблено. Немоощ чересчур уж возымела силу в народе, и жизнь его политическую спасти невозможно было", - писал Либельт. Из текста ясно вытекало: речь идет о том, что Речь Посполитую стерли с политической карты Европы. Правда, он был сильно порезан - например, пришлось убрать слова о том, что "из потерпевшего крушение национального корабля на одной ладье языка нашего можем мы спастись от полного уничтожения".

Похвалам польскому языку и Комиссии образования сопутствовала в хрестоматии похвала Конституции 3 мая пера Юзефа Шуйского. Гимназисты, воспитанные на полонофобском учебнике истории Иловойского, могли с изумлением, но и удовлетворением прочитать в отрывке из его текста "Былая Речь Посполитая и ее эпигоны", в чем состояло величие этого закона: в том, что он "отступил от слепого идолопоклонства" перед былыми формами Речи Посполитой и сумел "практически взять из старого все, что было хорошего и отвергнуть - что плохого, принять из-за границы все, что было хорошего, но за границе не подражать; что она вышла готовая, самородная, практическая, как Минерва из головы Юпитера". И очень плохо, что позднее, когда миновали "первые дни Княжества Варшавского и Царства [Польского]", не оказалось поколения, "оживленного творческим и практическим духом 3 мая". В той же статье мы найдем похвалу галицийской автономии и, что еще важнее, определение Речи Посполитой времен Саксонской династии "как заезжей корчмы войск Фридриха и России (!)".

Из Мечислава Романовского в хрестоматию включен отрывок из эпопеи "Девушка из Сонча", повествующий о войне со шведами во время "потопа", зато в краткой биографии автора читаем, что он погиб "в стычке под Юзефовом 24 апреля 1863 года". Кстати, его стихотворение "Когда же" упоминает Стефан Жеромский в "Сизифовом труде": Мартин Борович находит его на страницах альбома пансионерки, куда стихи вписала его любимая Бирута. Если бы он внимательней перелистал хрестоматию Вежбовского, то узнал бы, где и когда погиб поэт...

Следует признать и подчеркнуть, что Вежбовскому удалось включить в хрестоматию писателей, скончавшихся в эмиграции, таких, как Ленартович, Лелевель, Словацкий, Мицкевич. Правда, из Иоахима Лелевеля приведен лишь небольшой отрывок из "Исторической параллели Испании с Польшей", зато в обширном вступлении находится перечень его важнейших работ, в том числе изданных в изгнании. В его биографии сказано, что в 1831 г. он "покинул" Польшу и с тех пор до самой смерти жил в Париже. Вежбовский не преминул упомянуть в биографии Юлиана Немцевича, что, взятый в плен под Мацеевицами и освобожденный затем императором Павлом I, он потом отправился через Швецию и Англию в Америку, а в 1813 г. покинул Польшу и умер в Париже. Только в биографии Словацкого мы обнаружим уклончивое сообщение о том, что в 1831 г. он выехал из Варшавы "точно неизвестно, по какой причине" (!). О Теофиле Ленартовиче написано, что в начале 1850-х он выехал сначала во Францию, а затем окончательно поселился в Италии.

В биографии Мицкевича сказано, что в 1824 г. ему назначили местопребыванием Москву, а в 1829 г. он выехал за границу. В хрестоматии поэту посвящены целых 16 страниц, на которых мы найдем, в частности, отрывки из "Крымских сонетов", "Фариса", "Гражины", "Конрада Валленрода", I части "Дзядов" и из [парижских] лекций о славянских литературах. Словацкому отведено только 10 страниц, включающих отрывки из "Часа мысли", из поэмы "В Швейцарии" и из "Отца зачумленных". Зигмунт [Сигизмунд] Красинский представлен на 17 страницах как автор "Прощания с Италией" и нескольких более мелких произведений (в частности "Псалма веры"), а также эпилога драмы "Иридион".

Под нажимом цензуры Вежбовский "почистил" следующее издание: из 600 страниц осталось 464. Выпали, в частности, Галл Аноним, Винценты Кадлубек, Янко из Чарнкова, Анджей Кшицкий и Анджей Рысинский, но основной канон остался неизменным. Зато прибавились Сигизмунд Милковский (отрывок из романа "Ускоки"), Мария Конопницкая (два стихотворения) и Генрик Сенкевич ("Янко-музыкант"). Не могли, разумеется, остаться и вышеупомянутые похвалы Шуйского майской конституции - впрочем, его текст "Былая Речь Посполитая и ее эпигоны" был убран целиком. Не помогло и содержащееся в нем (в соответствии со взглядами всей краковской школы историков) осуждение польской склонности к анархии, которая довела Печь Посполитую до крушения. История Польши Михала Бобжинского, где провозглашались такие же взгляды, потому-то и получила цензурное разрешение в Царстве Польском, что вызвало язвительный комментарий Жеромского в том же "Сизифовом труде". Исчезла и "Думка изгнанника" Ленартовича, описывающая тоску ссыльного по родным краям. В герое легко было угадать одного из сибирских каторжников. Вежбовский заменил "Думку" лишенным политического звучания "Золотым кубком" того же Ленартовича. И тут автор хрестоматии поначалу использовал политическую наивность цензора, так как Ленартович стал знаменит благодаря резкому ответу на объявленное российским императором помилование польской эмиграции, озаглавленному "Изгнанники к народу" (1850) и выражавшему патриотический протест против какого бы то ни было компромисса с оккупантом. Правда, "Думка изгнанника" была напечатана в петербургских "Избранных стихотворениях" Ленартовича два года спустя после его смерти (1893), но в сильно порезанном виде, без заключения, говорящего, откуда раздается этот голос. Биографию

Ленартовича Вежбовский перепечатал во втором издании хрестоматии в неизменной форме. Однако в этом издании Мицкевич "занимал намного больше места, чем в какой-либо другой книге для чтения из использовавшихся до того времени в русских гимназиях" (Л.Словинский, цит. соч.). Изменения состояли только в том, что место "Романтичности" занял "Гимн на день Благовещения Пресвятой Деве Марии", прибавлены "Три Будрыса" и вступление к "Пану Тадеушу", где было верно сохранено обращение "Литва, отчизна моя!", - заметим, что в Галиции нередко или вообще опускали первые четыре строки, или заменяли Литву Польшей. То, что принимала русская цензура (великий польский поэт называет своей отчиной Литву), видимо, шокировало некоторых его галицийских соотечественников.

Даже в несколько порезанном виде второе издание хрестоматии (1888) не могло встретить одобрения органов народного просвещения, ибо по существу в ней выступал основополагающий канон польской литературы, где то и дело звучал патриотизм авторов, - поэтому куратор Варшавского учебного округа потребовал выбросить еще ряд отрывков. Вероятно, уступки Вежбовского мало помогли бы, раз Апухтин еще в письме от 15 июля 1884 г. прямо констатировал, что этот учебник стремится протащить историю Польши, возбуждает национальные чувства и национальную гордость. В хрестоматии усмотрели тексты не только безразличные в отношении России, но и прямо ей враждебные. В результате на полтора десятка лет пришлось вернуться к учебнику Дубровского, а хрестоматия Вежбовского была изъята из школьного употребления.

Сверхлояльная позиция, которую занимал Вежбовский, привела к тому, что комиссия по программам обучения Варшавского учебного округа 1 сентября 1900 г. постановила, пока не будут составлены и утверждены полностью пригодные учебники, допустить к использованию в гимназиях хрестоматии вышеупомянутых авторов (Бондзкевича, Лукомского и Лышкевича), а также второе издание хрестоматии Вежбовского. О книге для чтения Дубровского в протоколе вообще не упоминалось.

Следует отметить, что благодаря своей далеко идущей лояльности Вежбовский сделал карьеру на царской службе, заняв, в частности, должность директора Главного архива древних актов в Варшаве.

Будучи с 1898 г. членом комиссии по обучению польскому языку и литературе, Вежбовский часто оказывался в конфликте со своими русскими коллегами, ибо постоянно и последовательно боролся за расширение преподавания польского, что признаёт даже настроенный против него Волинский в своих "Воспоминаниях времен русской школы в бывшем Царстве Польском" (Варшава, 1936). В марте 1905 г. на заседании ученого совета Варшавского университета Вежбовский выдвинул довольно демонстративное предложение освободить от дисциплинарной ответственности студентов - участников недавнего митинга протеста. Более того, он добивался введения преподавания польской истории и литературы, а также правоведения по-польски. Он требовал также выделить полякам половину университетских должностей и поляка поставить ректором. Это предложение, разумеется, не нашло поддержки у его русских коллег. Вместе с Игнацием Хшановским и Самуэлем Дикселем Вежбовский вошел в состав комитета, готовившего создание Варшавского научного общества.

Однако в польский Варшавский университет, возрожденный в 1915 г. [после занятия Варшавы немцами], Вежбовского не взяли. Он умер 19 декабря 1923 г., оставаясь, пишет его биограф, "в глазах широкой общественности тем, кто запродавал царскому правительству национальное дело". По-видимому, мало кого убедил некролог, написанный Пшемиславом Домбковским, где говорится, что Вежбовский после обретения Польшей независимости испытал немало незаслуженных обид от своих соотечественников. Но история воздаст ему по справедливости, ибо его защитят его собственные труды, которыми он "обрел право на почетное звание: хорошо послуживший отчизне".

Большинство открытий в гуманитарных (и не только гуманитарных!) науках вытекает, как известно, из плохого знания литературы предшественников. Не желая подтверждать этот тезис, хочу отметить, что, пожалуй, первым исследователем, который обратил внимание на своеобразный "валленродизм" Вежбовского, был Лех Словинский. В 1975 г. этот ученый обратил внимание на то, что Вежбовский включил в свою хрестоматию ряд текстов, не встречавшихся у его предшественников. "В ряде случаев ему удалось перехитрить цензуру и включить в учебник произведения, весьма ценные с национальной точки зрения". Поэтому в руках хорошего учителя хрестоматия Вежбовского совсем не обязательно становилась орудием русификации. Более того, вопреки намерениям оккупанта она служила "укреплению национального чувства среди учащихся-поляков".

Словинский удивляется слепоте цензуры, которая позволила опубликовать в хрестоматии Вежбовского произведения, тематически связанные с освободительной борьбой поляков в XIX веке. В "оправдание" царских контролеров печатного слова можно напомнить, что тексты, включенные в хрестоматию, были отрывками, изъятыми из общего контекста. Сами по себе они звучали на вид невинно, ибо не содержали открытой похвалы вооруженной борьбе за независимость или призывов к новому восстанию. "Неблагонадежной" могло быть, таким образом, только все остальное творчество включенных в хрестоматию писателей и их более чем явственно

ощутимая патриотическая тенденция. Не один только Жеромский выносил приговор хрестоматии Вежбовского, не заглядывая в нее. То же самое относится и к анонимному автору примечаний к "Сизифову труду", который в издании романа 1973 г. написал, что "эта хрестоматия, приспособленная к реакционной программе обучения, не давала учащимся даже приблизительного понятия о величии и богатстве польской литературы". Это примечание - за исключением лишь слов "приспособленная к реакционной программе обучения" - повторено в новейшем издании романа (2000). Видно, царские власти верней расшифровали содержание хрестоматии, чем наш современник-комментатор...

3: ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАТЫНЬСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Продолжение документальных записок

Чуть позже я понял, что по «объекту Козьих Горы» (так на языке чекистов называлась Катень) КГБ ведет непрерывную агентурно-оперативную работу. Совершенно секретное дело (ДОН, то есть дело оперативного наблюдения) хранилось в сейфе начальника Смоленского КГБ генерала Шиверских, и в нем скапливались все документы по объекту Козьих Горы (сообщения агентов, доверенных лиц и т.д.), обо всем подозрительном, обо всех, задающих вопрос «кто расстрелял?», о тех, кто слишком много говорит... Это дело видел своими глазами заместитель начальника подполковник Н.М.Булдаков, от него-то я и узнал о нем. Булдаков сказал мне, что видел это дело случайно, и строго предупредил: «В случае чего — я тебе этого не говорил».

Набирая номер домашнего телефона полковника Головки, я думал, что «на ловца и зверь бежит». Но, к моему сожалению, от полковника я ничего не узнал. Он сухо сказал, что завтра пошлет к женщине сотрудника, и всё. Я знал, что этим районом «занимается» сотрудник УКГБ Ляшкевич, в его ведение входило оперативно-агентурное «обслуживание» района Катени, в том числе и Козьих Гор. Это был человек себе на уме и лишнего не говорил. О Козьих Горах я к тому времени знал следующее: были там дачи руководства Смоленского УКГБ. Все, кто попадал на руководящую должность (начальники отделений, отделов и т.д.), могли иметь служебную дачу за высоким бетонным забором, который ограждал не только дачи, но и большой лесной массив (в основном, ели и сосны). Там же был еще дом для «высоких» гостей из Москвы Смоленского обкома КПСС — в этом доме бывали Ворошилов, Буденный, Каганович, Шверник и даже Горбачев. От сотрудников УКГБ я слышал, что дачникам там запрещено копать землю за территорией своего палисадника. Те, кто пробовал копать дальше от домиков (несмотря на запрет), сразу попадали на человеческие кости и черепа. От охранников Козьих Гор я знал, что каждую весну грузовые машины с песком прибывают в этот лес, чтобы засыпать кости, выглядывающие из размытой талыми водами земли и песка. Острые белые обломки торчали из земли, как сабли и штыки — это не кости замученных, это правда рвалась наружу, к свету... ибо «всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное...» (Еккл 12,14).

Естественно, все эти работы по маскировке места преступления производились по приказу руководства КГБ СССР. Соккрытие тяжкого преступления (тем более преступления против человечества) — тоже тяжкое преступление, де-факто и де-юре это соучастие в преступлении.

В Козьих Горах (охранниками объекта) работали в разное время прапорщики Н.Ф.Шаповалов, Федосеев и другие. От них и от пенсионеров НКВД-КГБ я выяснил, что Катеньский лесной массив около дач КГБ (т.е. Козьих Гор) — это гигантское место захоронений репрессированных. В стране набирала силы перестройка, боролись за гласность, а также со злоупотреблениями. Но коммунистическая партия продолжала (согласно конституции СССР) оставаться руководящей и направляющей силой. Поэтому на реальные изменения в обществе мало кто рассчитывал. Напротив, в партии и КГБ крепили антиперестроечные силы.

Под влиянием перестроечных настроений я стал открыто бороться с тем, что начальник Смоленского УКГБ ездит на дачу служебной «Волгой». Но, конечно, больше всего меня возмущало то, что на костях репрессированных людей находятся дачи КГБ, где начальство отдыхало и развлекалось (пили, парились в бане...) Помню, что я этого уже не мог переносить ни психически, ни физически и... начал открытую борьбу за ликвидацию дач на местах захоронений погибших от репрессий. Вместе с демократической частью Смоленска (с помощью газет, радио, митингов) нам удалось выгнать чекистов с места преступлений и прекратить это вопиющее кощунство — похуже «пира во время чумы». Конечно, произошло это позже, не в один день.

В Смоленском УКГБ еще работали пенсионеры НКВД, однако особой охоты говорить на тему Катени никто из них не проявлял. Первый, кто мне обмолвился несколькими словами, — Егор Григорьевич Поляков; в 1940 году он работал в гараже Смоленского УНКВД механиком. Он твердо и уверенно сказал мне, что расстрелянных

граждан захоранивали в Козьих Горах (в Катыни), а также назвал фамилии еще живущих пенсионеров ЧК-ОГПУ-НКВД: Гуркова, Ноздрева и Титкова.

Я начал выяснять их домашние адреса в Смоленске. Как потом оказалось, один из пенсионеров жил прямо напротив УКГБ, через дорогу. Несмотря на это, начальник управления потом постоянно заявлял, что поиски свидетелей не привели к успеху, «свидетелей найти не удалось» и т.д. Вскоре я нашел пенсионера НКВД Федора Гуркова, он был уже тяжело больным стариком (почти не вставал с постели), я ему показал удостоверение сотрудника КГБ и соврал, что в связи с перестройкой музею нужны сведения о расстреле польских офицеров и он мне может все смело рассказать. Эта прелюдия его не особо убедила, но мое удостоверение майора на него подействовало — Гурков признал, что польских офицеров в 1940 г. привозили на станцию Гнездово в вагонах, расстреливали в НКВД Смоленска, а трупы закапывали в Козьих Горах, там же хоронили и репрессированных советских граждан. В конце Гурков назвал еще живущих ветеранов НКВД, которые помнят все лучше его: Григорьева, Титкова, Ноздрева. Шел июль 1989 г., гласность давала о себе знать, а чиновники больше всего боялись журналистов и телеведущих (например, телевизионной программы «Взгляд»). Сейчас в путинской России происходит, к сожалению, обратное: чиновники ничего не боятся. А в стране исполняются самые смелые мечты бывших членов ГКЧП и покойного председателя КГБ СССР Андропова: власть становится все более «вертикальной», чиновники и генералы растут, как грибы после дождя. Только некому было защитить детей в Беслане, а Путин отмалчивался за Кремлевской стеной, как и в случае с подводной лодкой, и с театром на Дубровке. Права была покойная Галина Старовойтова, когда говорила в 90 х годах о необходимости люстраций (но ее мало кто слушал тогда).

Помню, летом 1989 г. в Смоленском УКГБ прошел слух: приезжал-де из Москвы журналист, который интересовался судьбой польских офицеров и местами захоронений репрессированных. Генерал Шиверских с ветеранами НКВД, заранее подобранными и обработанными, принял корреспондента (всё в духе перестройки!) и спросил их: «Правда же, что вы ничего о расстреле польских офицеров не знаете?» — те хором ответили: «Правда». На этом встреча с корреспондентом закончилась, и тот уехал в Москву ни с чем...

В это же время я в очередной раз заявил генералу о недопустимости иметь дачи на костях расстрелянных жертв репрессий. Шиверских изобразил на лице удивление и произнес:

— Откуда у вас такие сведения, нету доказательств на это и свидетелей!

— Я вам найду свидетелей, — пообещал я уходя.

— Ищи, — парировал генерал неосторожно (потом он публично отказался от своего слова). Так как я стал говорить пенсионерам КГБ, что пришел по поручению лично генерала, это некоторых сразу располагало к откровенности, иных просто прорывало (человеку тяжело хранить страшные тайны, для некоторых такая ноша просто невыносима...).

Так случилось с И.И.Титковым, которого я нашел в тот же день — 24 июля 1989 года. Он был личным шофером Куприянова в 1940 г. (Емельян Куприянов — начальник УНКВД Смоленской области в 1940 м). С 1934 г. Титков работал шофером в НКВД, был водителем у шести или семи начальников, которых по очереди расстреливали как врагов народа. «Помню, — говорил он, — вызовут начальника в НКВД, в Москву, и всё — ни слуху, ни духу». Титков мне рассказал правду о Козьих Горах, что это гигантское кладбище репрессированных, что, сколько он себя помнит, расстрелянных в Смоленском НКВД тайно хоронили там, в песке (под тонким слоем почвы: в Катыни песчаный грунт). Потом (через несколько месяцев) Титков мне рассказал, что расстрелянных польских офицеров тайно хоронили в Козьих Горах в 1940 году. «Утром, рассказывал он, я отвозил Куприянова на станцию Гнездово (под Смоленском), начальник выходил из легковой автомашины и лично контролировал прибытие транспортов с польскими военнопленными, которых пересаживали в “черные вороны” и отвозили в сторону Смоленска. Станция была оцеплена конвойным полком, Куприянов давал какие-то указания конвоирам».

Все это происходило весной 1940 года. Титков рассказал, что лично видел автомашины с расстрелянными, которые ночами курсировали между Смоленским НКВД и Козьими Горами, а шоферами были Комаровский, Григорьев, Костюченко... Позже жена Титкова мне сказала, что он тоже водил такие машины до Козьих Гор, только боялся это написать. Когда письмо это (Титкова) попало в газеты и на радио, оказалось, что шофер НКВД Григорьев — отец секретаря Смоленского обкома КПСС (по идеологии), и последнего быстро «ушли» в отставку. Тогда же начались адресованные мне угрозы и оскорбления от «бывших» и «настоящих» чекистов. Но все это было ничто по сравнению с тем, что я имел наконец письменное свидетельство очевидца событий 1940 года!

25 июля 1989 г. я передал это свидетельство руководству Смоленского УКГБ с просьбой передать его в областную комиссию по реабилитации. Это свидетельство вызвало буквально шок у начальства — генерал Шиверских клялся, что никогда не поручал мне искать свидетелей репрессий. Меня обвинили в злоупотреблении удостоверением сотрудника УКГБ и запретили всяческие поиски свидетелей, а письмо Титкова спрятали. Все это я предвидел и копию письма Титкова передал на Смоленское радио, а позже — в газету «Московские новости». Я не знал, вернее не представлял себе, на что может решиться руководство КГБ, и решил подстраховываться, передавая все добытое средствам массовой информации.

6 августа 1989 г. в «Московских новостях» была опубликована статья Геннадия Жаворонкова, где он писал, в частности, что о расстрелах в Катыни не удалось найти информации, даже при помощи генерала Шиверских. Это была явная ложь, так как генерал имел на руках свидетельство Титкова еще в конце июля. Теперь я знал фамилию журналиста, который был в Смоленске, и решил написать ему правду.

Главное было то, что теперь я имел доказательство заведомой лжи генерала и всего КГБ, доказательство преднамеренного сокрытия сведений о репрессиях и местах захоронений.

Радость моя была преждевременной, так как по моим следам стали ходить сотрудники КГБ и запугивать найденных мною свидетелей — пенсионеров НКВД. Например, Титкову припомнили его подписку о неразглашении секретных сведений, которую он давал еще при Ежове или при Берии. Ударили его и по самому больному: «Вы не забыли, от кого получаете пенсию?» Таким образом его принудили написать второе письмо, в котором он уже «не настаивает на передаче первого письма в комиссию по реабилитации». Правда жгла руководству КГБ руки, они попытались вообще вернуть Титкову его свидетельства... Спасло положение то, что дочь Титкова и его внук Сергей неожиданно приняли сторону гласности и начали стыдить отца и деда. Это дало результаты: Титков не отказался от написанного, а позднее выступил как важный свидетель по Катыни.

Так приходилось бороться за каждого найденного мною свидетеля, и не всегда удачно, с переменным успехом (позднее были и специально-подставные свидетели, вернее антисвидетели из числа надежных и твердолобых сталинистов). Я понял: на Лубянке выработали специальную тактику по противодействию выходу на свет правды о Катыни. На меня посыпались угрозы и первые дисциплинарные наказания, кадровики до дыр прочитывали мое личное дело, ища компрометирующие материалы... Тихушники (так в народе называли гэбистов) всполошились не на шутку. Приехали из центра два полковника КГБ и предложили мне, «мягко говоря», сменить место службы — в любой город СССР, но я категорически отказался, и они уехали с угрозами.

Наконец осенью 1989 г. в «тихий омут» был брошен камень «гласности». Вышла в свет радиопередача Смоленского радио (которым руководил сторонник перестройки Новиков) — там прозвучал голос Титкова и было прочитано его письмо о расстрелах репрессированных. Подготовил эту смелую информацию журналист А.П.Якушев по предоставленным ему мной материалам (мне удалось познакомить его с Титковым лично). Это был первый серьезный успех. Позднее Якушев провел несколько радиопередач по моим материалам, и впервые по Смоленскому радио — и вообще в СССР — прозвучало, что это наши, в 1940 году, расстреляли польских офицеров, а не немцы в 41 м. Новиков и Якушев выполнили с честью свой журналистский долг, поборов страх и ложь. Все это вызвало замешательство и растерянность в Москве — на Лубянке, а мне позволило еще какое-то время продержаться в «славных» рядах вооруженного отряда компартии и найти еще нескольких свидетелей.

И.Л.Ноздрев оказался бодрым и живым ветераном с хорошей памятью, несмотря на свои 90 лет интересовался происходившими в стране событиями. Он мне рассказал все (как бы снимая гнетущий камень с души), а рассказать он мог многое: вступил в коммунистическую партию еще при жизни Ленина, а в органы ЧК-ОГПУ — еще при жизни Дзержинского, видел воочию самого батьку Махно и т.д. Ноздрев подтвердил, что весной 1940 г. польских офицеров привозили в вагонах из Козельского лагеря, расстреливали в Смоленске, а закапывали в Козьих Горах. Кроме того он много рассказал о репрессиях против советских граждан, которых хоронили там же, а также на Братском кладбище и на кладбище возле Смоленской областной больницы (тайное кладбище). Именно Ноздрев по поручению начальства ежемесячно выплачивал деньги специально подобранным лжесвидетелям за то, что те все валили на немцев: такие платные лжесвидетели использовались на Нюрнбергском процессе, чтобы скрыть сталинское преступление по Катыни. Кстати, тогда, в 1945-1946 гг., представители прокуратуры СССР настаивали, что это преступление против человечества, а сейчас Военная прокуратура России заявляет, что это обычные преступления, — заврались, как говорится, дальше некуда. Всем ясно, что за нынешним заявлением Военной прокуратуры стоит Кремль. Военная прокуратура, насколько мне известно, чаще оглядывалась не на закон, а на командира. Во время перестройки ее вообще хотели ликвидировать как институт государства, не служащий закону и справедливости. Жаль, что так не случилось, много хороших идей перестройки осталось «в воздухе».

От Ноздрева я вновь услышал фамилию Стельмаха, который руководил расстрелами приговоренных к ВМН и сам в них участвовал. Стельмах был начальником комендантской службы НКВД Смоленской области, и его команда занималась приведением в исполнение приговоров «тройки». Он с подчиненными расстреливал в 1940 г. польских офицеров. Позднее два человека из его службы покончили жизнь самоубийством. По словам Ноздрева, этот Стельмах очень переживал из-за того, что ему случилось собственноручно расстрелять даже своего лучшего друга. Умер этот палач в 1960 г. при страшных физических мучениях (какая-то острая боль ломала все его тело).

Ноздрев явно не страдал склерозом и припомнил интересные детали: что комиссия академика Бурденко (по Катыни) была хорошо подготовленным спектаклем, а его режиссерами были Сталин и Берия. Бурденко как опытный специалист с самого начала понял, что вся их работа — сплошная «липа», но страх заставил его работать над сокрытием сталинского преступления. Перед смертью академик признался другу, что стыдится в конце жизни одного — участия в катынской фальсификации. По словам Ноздрева, во время работы комиссии Бурденко в Катыни совершались самые разные фальсификации, в открытые могилы подбрасывали всякие предметы, чтобы свалить вину за преступления на немцев. Копию свидетельств Ноздрева я передал Якушеву (корреспонденту Смоленского радио) и послал в «Московские новости». Уже через несколько дней, зайдя к Ноздреву, я застал его в расстроенных чувствах, жена его (инвалид) была перепугана. Оказалось, что к нему приходили двое из УКГБ (Тихонов и Герасимов) и угрожали — шантажируя его старыми грешками (Ноздрев в 1941 г. был ответственным за эвакуацию Смоленского архива НКВД, а вагоны попали под бомбежку, и часть архива была утрачена). Я его успокоил тем, что теперь он может не переживать: прошло 48 лет, — что ему просто хотят заткнуть рот.

Ноздрев-то и назвал мне еще живущего сотрудника команды Стельмаха — Бороденкова (по словам Ноздрева, участвовавшего в расстрелах).

Продолжение следует

4: ГНИЛЬ

Слюна. Плевки, харкотина, мокрота, зеленые сопли, сгустки слизи. Школа была их обиталищем. Слюной здесь метили территорию, слюной общались, слюной объяснялись в любви и ненависти.

Все плевали, и мы плевали. Меня научили плевать. Прежде чем на меня наплевали впервые, в один из первых моих дней в школе, я увидел, как разговаривают плевками: двое семи- или восьмиклассников, во всяком случае двое из тех великовозрастных гигантов, у которых мы в первые годы путались под ногами, кто обращал на нас не больше внимания, чем на голубей, двое из них беседовали плевками, посредством плевков, быть может, это была последняя фаза разговора, который не увенчался компромиссом, а быть может — его единственная возможная фаза, быть может, эти двое уже давно общались исключительно при помощи плевков; так или иначе, тот молчаливый разговор был одной из первых приветственных картинок, одним из первых эпизодов, которыми встретила меня школа, старая, довоенная, с хорошей репутацией (как говорил старый К., много лет назад тоже ходивший в эту школу), то есть, может быть, этот разговор был даже первой картиной, которую я навсегда запомнил, из которой мне пришлось делать выводы. Один плевал в другого, другой плевал в него, сначала по очереди, словно обмениваясь мнениями, потом все яростней, синхронно, очередями, уже не ожидая, когда надлежащая порция слюны вытечет на язык из слюнных желез, а просто салютуя абы как, любой ценой, все более жалкими брызгами моросая друг другу в лицо; они разговаривали, направляя плевки в лицо друг другу, за ними устало наблюдала группка других великовозрастных дылд, а когда во ртах у собеседников пересохло, они утерлись рукавами формы и разошлись, каждый восвояси.

Это была очень старая школа, самая лучшая, по словам старого К., некоторые учительницы его еще помнили. Он говорил:

— Я ходил в эту школу, и твой дядя, и твоя тетка, и никто никогда не посрамил честь нашей семьи, ты тоже не можешь ее посрамить.

Так что я всеми силами старался, только бы не посрамить, бдительно напрягал глаза и уши, чтоб как можно быстрее понять как можно больше, научиться, что значит быть учеником этой школы, между тем ничто не бросалось мне в глаза так сильно, как слюна. Слюна была поучительна. Она быстро отводила меня от контактов с перилами, от какого бы то ни было контакта, не говоря уж о таком невинном баловстве, как езда по перилам, ибо перила в этой школе были всегда заплеванные, липкие от слюны, зеленеющей тут и там, вследствие обычая не только великовозрастных, но и младших учеников этой школы, обычая перегибаться через перила верхнего

этажа и плевать вдоль колодца-коридора вниз, плевать на руки, неосмотрительно перемещавшиеся по перилам, на ладони тех, кто еще не отучился хвататься за перила. Конечно, не всякий плевок попадал в руку, иногда охота не удавалась, хотя техника поиска цели всегда внушала мне уважение: плюющий выцеживал изо рта шарик слюзы на слюнной ножке и позволял ему свободно свисать между губами, пока не наводил его на подвижную цель, тогда сгусток освобождался и летел в заданном направлении. Не всегда он попадал в беспечную ладонь, порой, хотя группа охотников была велика, никто не попадал точно, никто не одерживал победы в соревновании, зато почти вся харкотина попадала на перила, и рано или поздно рука, которая невредимой ушла от обстрела, стирала соплю с перил, то есть так или иначе неосторожный был проучен, и этот урок, один из тех, что дала мне слюна, я усвоил и запомнил быстро; быстрее и больше всего на начальном этапе образования меня научила слюна. Казалось, в этой школе все страдали избытком слюны, они только и стремились избавиться от нее, без устали и без повода, словно всех мучило перманентное слюнотечение; ну, конечно, плевали прежде всего мальчишки, причем мальчишки особенные, так называемые «хахари» со Штайнки, то есть с улицы Кладбищенской, которая во времена оккупации называлась Каменной, Штайнштрассе, с улицы, где жили исключительно бывшие, нынешние или будущие могильщики и их семьи, с улицы алкоголиков, нищих и преступников, которые копулировали тем плодотворней, размножались тем ожесточенней, чем больше горя им приходилось мыкать, чем безнадежней была их доля. Несмотря на относительно небольшую площадь, занимаемую Кладбищенской улицей и ее округой, прокреативные достижения здешних обитателей были столь высоки, что совершенно стирали различия между хахарами со Штайнки и остальными учениками, спешившими на уроки из других районов, рассеянных по более отдаленным частям города, остальными учениками из так называемых хороших семей, из так называемых нормальных семей; ах, можно даже сказать, что остальные, те, кто ходил в эту школу из районов, имевших репутацию обычных, нормальных и даже безупречных, составляли в этой школе меньшинство, можно сказать, в этой школе задавали тон хахари с Кладбищенской и из ее округи, страдавшие перманентным избытком слюны. Заасфальтированный двор, осаждаемый толпами детей во время большой перемены, был изукрашен кругами плевков, отмечавших места, где происходили групповые дискуссии. Когда в группках из нескольких человек происходили эти без малого двадцатиминутные беседы между звонками, оратор то и дело прерывал рассуждения плевком, а слушатели поддакивали, цедя слюну сквозь зубы, и чем больше они поплевывали, тем решительней соглашались с говорящим, а венцом подобных прений было общее харканье на асфальт всех разом. И, собственно, ничего больше в их жизни уже не менялось, я видел их потом годами, уже взрослых, по сей день вижу, как они кучкуются возле домов, стоят кружком и болтают о двигателях, фильмах-карате и гениталиях своих женщин, которые стоят рядом и смеются; они болтают, курят сигареты и плюют на асфальт, после них остаются круги слюны, как четверть века назад на школьном дворе.

Слюна была моей первой учительницей, она приводила меня в чувство, она прерывала игры, в которые играли мы, младшие, тогда еще пребывавшие на стадии подражания, так что игры у нас были те же, что у великовозрастных семи- и восьмиклассников, подростков-хахарей с Кладбищенской улицы. Когда мы играли в чику, бросая монеты в специально выкопанную ямку, слюна скушающего дылды была окончательным сигналом к завершению игры; эти великовозрастные бескорыстно плевали нам в ямки, и мы были вынуждены копать новые, куда они тоже плевали, и нам, объединяемым дрожью общего риска, приходилось украдкой пользоваться их ямками, приобретая при этом навыки конспирации. Слюна дала мне первый урок скромности, когда я принес показать друзьям тетрадь с автографами и мы ее разглядывали перед уроком в узком кругу, толкаясь, чтобы лучше видеть, когда заинтересованный скоплением народа семиклашка подошел и спросил: «Чё там у вас?», а я услужливо подал ему тетрадь, с гордостью и почтением говоря: «Автографы»; когда, бросив взгляд на подпись короля форвардов лиги, он сказал: «Клево», взял тетрадь под мышку и ушел, а я бежал за ним и просил, чтоб он не забирал, просил громко, плаксиво и занудно: «Отдай, ну отдай»; когда наконец ему надоело и он ответил: «Ладно, заполучи», и прежде чем вручить мне тетрадку, плюнул в нее особо подготовленным, зелено-коричневым харчком из-под самого мозга, из центральной части лобных пазух, прямо на страницу с игроками команды, после чего закрыл, сжал и с восторгом склеил страницы; да, слюна была хорошей учительницей. Ее можно было ожидать откуда угодно: прямо в лицо, когда противникам не хватало слов; сбоку, потому что когда на школьной экскурсии кто-нибудь засыпал, его будили, харкая в ухо; сверху, если по дороге в школу пройдешь не под тем балконом. Ох, дорога в школу, тогда меня метили особенно сзади.

Ох, дорога в школу. Ведь от так называемых приличных районов, но и от школы тоже, я был отделен Кладбищенской улицей и ее округой, ведь целых восемь лет, чтоб вовремя прийти на урок, я вынужден был ходить через всю Кладбищенскую улицу. А на Кладбищенской улице слюна грозила отовсюду: из окон и с балконов, мимо которых я проходил слишком близко, но также, и даже прежде всего — из-за спины, сзади; я каждый раз ускорял шаг на Кладбищенской, которую восемь лет дважды в день преодолевал на всем ее протяжении. Я ускорял шаг, потому что всегда чувствовал, что за мной идут по пятам, сзади всегда кто-то шел, это были хахари со Штайнки, самые гнусные, те, кто даже в школу не ходил. Молча рассевшись в сенях и на дворах, они наблюдали за своей улицей, улицей могильщиков и их семей, улицей нищеты, грязи и преступлений, они следили, не появился ли часом на их улице какой-нибудь инородный элемент, не нарушает ли нечто единую

композицию луж, мостовой, красных кирпичных стен и зеленых подоконников, не забрела ли какая-нибудь чужая дворняжка, не сидит ли на заборе кошка из другого района. Они сидели и караулили, чужой дворняжке привязывали к хвосту горящую тряпку и смотрели, как собака крутится волчком, одновременно пытаясь и убежать от огня, и догнать его («Хе-хе, вот теперь она, бя, породистая, бя, дворняга жженная, хе-хе»); кошек из другого района они швыряли с крыш, слишком высоких, чтоб те могли упасть на четыре лапы и выжить («Бля, дождь будет, кошки чё-то, бя, низко летают, хе-хе»), а за мной они просто шли. Я чувствовал на спине их дыхание, я ждал удара, которого мне так и не нанесли, только когда я наконец добирался до школы, дружки говорили мне: «Опять у тебя вся спина обхаркана», потому что хахари со Штайнки, идя за мной, плевали меня, плевали мне в спину, когда я шел по их улице, так они меня метили. Ох, дорога в школу.

Старый К. говорил, что это лучшая школа, в которую я мог попасть, он знал, что говорит, потому что сам в нее ходил, так же, как тетка и дядя.

— Это школа с традициями, да и ближе всего, другим детям приходится ездить на трамвае, на автобусе, а у тебя школа почти под носом, всего-то две-три улицы, и ты уже там.

Старый К. никогда не упоминал о хахарях с Кладбищенской, словно не знал об их существовании, но он мог не знать о них по той же самой причине, по которой удивлялся табунам алкашей в нашем районе и их тупым деткам, готовым проколоть шины любого указанного автомобиля за лимонад, пиво или сигареты, готовым проколоть и что-нибудь еще кому следует, удивлялся и повторял:

— В мое время такого не было. — И хотя это повторяют все отцы и деды, он понимал это буквально.

— Помни, этот дом построил твой дед, мой отец, это самый старый дом в округе. Когда я был маленький, вокруг были сплошные пустыри, потом начали строиться другие, потом эти бараки, а потом, после войны, рядом с нами поставили блочные коробки. Отсюда эти паразиты, дебилы чертовы, в мое время такого не было! У нас у первых был такой дом в городе, твой дед построил его подальше от центра, чтоб его оставили в покое, теперь небось в гробу переворачивается. Столько дебилов под окном, и ничего с этим не поделать, Боже, ты видишь это и не поразишь их громом...

Кладбищенская улица во времена старого К. наверняка еще только превращалась в Кладбищенскую улицу, много лет до этого она в безлюдной монотонности пребывала мощеной просекой, от каменной мостовой ее и называли Штайнштрассе; наверняка во времена старого К. у прежней Штайнштрассе не было даже так называемой округи, во всяком случае, это была необитаемая округа; наверняка поэтому и сам старый К., и его сестра, и его брат могли без опаски ходить по этой улице в эту школу, в их времена там были поля и пруды, никто не шел по пятам, не подкарауливал, не плевал в спину. Но теперь были времена хахарей со Штайнки, именуемой ныне Кладбищенскою улицей, да, это были их времена, ведь не мои же; я никогда никому не скажу «в мое время», потому что никакое время не было моим, даже когда оно у меня было.

Перевод Андрея Базилевского